

О современности и своевременности традиционных ценностей

Николай Афанасов

Кандидат философских наук.

Научный сотрудник сектора социальной философии.

Институт философии Российской академии наук (Москва).

Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Аннотация. Статья обращается к актуальной дискуссии о ценностях вообще и о традиционных духовно-нравственных ценностях в частности с позиций современной социальной философии. Цель исследования состоит в том, чтобы показать современность, своевременность и непротиворечивость традиционных ценностей в конкретно-исторической ситуации. Для этого автор вычленяет наиболее значимые аспекты в рефлексии о понятии, делая акцент на социальной мысли последних нескольких десятилетий. Результатом этого становится экспликация специфического понимания ценностей как автономии, лишь контекстуально определяемой обстоятельствами. Социально-философский дискурс о ценностях пересекается с дискурсами, более привычными для философии, то есть аксиологическим, политическим, этическим или эстетическим, но не совпадает с ними полностью. Поводом для его актуализации стали исторические события, но в основе лежат теоретические противоречия, с которыми столкнулась сама философия. В статье дается очерк положения ценностей в социально-гуманитарной мысли и деконструируются некоторые основания по умолчанию предлагаемой глобализованной мыслью иерархии ценностей. Автор также демонстрирует, что постановка вопроса о ценностях в национальном контексте не противоречит теоретическим основаниям и задачам философии. Напротив, потребность в философии, в том числе социальной, для постановки и ответа на вопрос о ценностях лишь увеличивается. Исходя из априорной самоценности традиционных духовно-нравственных ценностей, автор делает вывод, что одна из важнейших задач социальной философии состоит в том, чтобы актуализировать их содержание и способы практического встраивания в современную жизнь в соответствии с духом и потребностями времени.

Ключевые слова: социальная философия, практическая философия, современность, традиция, ценности, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, культурная политика

Для цитирования: Афанасов Н. Б. (2024). О современности и своевременности традиционных ценностей // *Patria*. Т. 1. № 1. С. 30–49.

Вопрос о традиционных ценностях как предмете социально-философского рассмотрения до настоящего времени не получил своего разрешения. Точнее, предложенные в глобализованной и космополитической социальной теории второй половины XX и начала XXI веков ответы (см.: Бек, 2008; Morau, 2023: 7) оказались неудовлетворительными с практической точки зрения. Сегодня в той же традиции этот вопрос даже не ставится всерьез, а если к нему и обращаются, то он оказывается второстепенным. Несмотря на все проблемы современного мира, лучшие умы предпочитают обходить тему стороной, довольствуясь интеллектуальным мейнстримом. Дело обстоит так: «традиционная ценность» в положительном смысле как значимая для социальной мысли категория ушла из авангарда размышлений ключевых теоретиков, чьи работы определяют ландшафт современной рефлексии общества (см.: Куренной, 2023). До самого последнего времени считалось, что здесь нечего обсуждать: канон «европейских» или «универ-

сальных» ценностей сложился, философски и методологически безупречен, а вопрос состоит лишь в том, чтобы как можно скорее транслировать эти универсальные ценности в масштабах планеты – даже если временами для этого требуются гуманитарные интервенции. Хотя некоторые теоретики обращают внимание на то, что сложившийся канон не ценностно-нейтрален и отнюдь не доброволен для всех участников мирового процесса (Тодд, 2024: 6).

Часто в основу критики этого символического порядка ложится представление о необходимости переопределения гуманизма (Феррандо, 2022), упрекаемого в универсализации партикуляристской западной рациональности (Хабермас, 2022). Мы полагаем, что это – продолжение размышления в тех же методологических границах. Однако следы каких-то «других» ценностей сохранились в естественном языке, национальных культурных традициях и просто жизненных мирах людей, далеких от того, чтобы быть бенефициарами глобализации. Естественный язык, чьи изменения отстают от набравшей скорость машины социальных трансформаций, сохраняет для нас если и не сами традиционные смыслы, то воспоминания о них. Сегодня там, где должны были бы стоять выступающие точками отсчета духовно-нравственные ценности, современный человек находит следы культурной борьбы и обескураживающую пустоту. Язык (теории) для содержательного разговора почти утрачен.

Нетрудно увидеть в сказанном некоторое противоречие: с одной стороны, одни «ценности» вроде бы и исчезли (и не без усилий тех, кто ранее их защищал); с другой – появились какие-то «другие», которым к тому же следует мейнстрим. Ко всему прочему, отсутствие первых сегодня представляется уже не таким позитивным и созидющим процессом, как это было еще несколько десятилетий назад (Ритц, 2023). Мы находимся в эпицентре процесса, когда переопределяются не способы реализации каких-либо принципов, а сами эти принципы. Современное общество как никогда ранее зависит от того, какие экспертные оценки выносят ему ученые, профессионально занимающиеся социальными исследованиями. «Эпоха подозрения» (Латур, 2023) не сильно изменила положение дел, лишь скорректировав то, что верить и надеяться стало сложнее. В общем и целом, это не (с)только кризис экспертных систем как основы современности, сколько кризис риторической легитимности и отсутствие теоретических принципов и практических навыков уже даже не цифровой, а буквально сетевой гигиены. В соответствии с законами социальной диалектики, все это скорее обнадеживает, чем угнетает, хотя «...случившееся может не нравиться. Испытывающие тошноту от качки могут хотеть забыть или отменить современную (курсив мой – Н.А.) ситуацию» (Чалый, 2024: 79). Социально-философская мысль становится пространством творческой свободы, где философ буквально идет по «следу» (ср. *la trace* у Жака Деррида) чего-то еще более реального: «Деструктурировать – не значит разрушить. Феномен деструкции не несет в себе негативного содержания. Деструкция не разрушает традицию, но восстанавливает ее в бытийном истоке» (Полиотов, 2016: 94).

«Ценности», таким образом, – это один из самых сложных предметов для социальной философии (Wildfeuer, 2011: 2486–2488), которая рискует попасть в западную апологетику или циничного критицизма. Так самоценны ли «ценности»? И, если нет, то можем ли мы тогда говорить об их абсолютном значении? Уместно будет вспомнить и то, что философия, в том виде как мы ее знаем, – это тоже определенная «ценность» западной культуры, получившая свое влияние, сохраняющая и транслирующая его в качестве составной, наиболее теоретической части многих социально-значимых дисциплин (социологии, психологии, политической науки, культурологических исследований и проч.), а также через непосредственное публицистическое обращение к самой аудитории: «В качестве онтологии социо-культурного мира социальная теория получает свою независимую рефлексивную ценность не только от внутреннего святилища академии, но и от более широкой публичной, не-академической сферы» (Reckwitz, 2023: 15).

Итак, чтобы говорить о традиционных духовно-нравственных ценностях на языке философии, нам нужно решить несколько задач. В претендующей на нормативность современности на смену традиционным духовно-нравственным ценностям, по умолчанию автономным и самоценным, пришли универсалистские ценности. Критическое вопрошание в их адрес не приводит к восстановлению традиционных ценностей, хотя «ре-традиционализация» – это один из базовых и эффективных механизмов поддержания жизнеспособности культуры. По всей видимости, время не может двигаться «назад», поэтому выход из кризиса – всегда только в будущем и в развитии. Вопросы о «ценностях», теоретическая утрата и дискурсивное подчинение которых какому-то новому порядку сделали современный мир менее приятным местом, чем он мог бы быть, следующие: как совместимы традиционное содержание ценностей и их современность? И почему именно оно оказывается как никогда своевременным? Ответы на эти вопросы имеют прямое прикладное значение. Если современному миру для поддержания своей жизнеспособности нужно верить в то, что он о себе что-то знает или может знать, то разрешение теоретического противоречия между традицией и современностью освобождает нас от парадоксов, присущих актуальным исследованиям традиционных ценностей (Фишман, Мартыанов, 2022: 75–77). Экспликация непротиворечимости исследуемого предмета расчищает поле для практических шагов в сфере культурной и социальной политики по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей.

Почему социальная философия?

В рамках дисциплинарного членения в системе философского знания «ценностями» предметно занимается аксиология; в меньшей мере – этика и эстетика. Социальная философия в этом вопросе даже отдает инициативу политической философии, которая часто апеллирует к ценностям как к чему-то, что порождает квантифицируемый аффект, лежащий в основе политического действия или готовности к таковому. Социальная теория, в

особенности современная, мыслит ценности в схожем ключе. Но чем больше она конкретизирует свой предмет, то есть вычленяет в нем частные характеристики, тем больше конкретные культурно-исторические ценности растворяются в ценности незаинтересованного и объективного познания. Мы имеем дело с разрушительной силой объективирующей науки, которая в своем постоянном расколдовывании мира (Хабермас, 2022: 207) не оставляет от привычного камня на камне.

Мы предлагаем гипотезу, согласно которой возвращение к традиционным ценностям как значимым фактам культуры и жизни возможно именно через социальную философию. И здесь важно понимать, что есть «ценности» как предмет отвлеченной философии, чья конвертация в практическо-прикладном ключе затруднена и ограниченно масштабируема, а есть «ценности» как значимые ориентиры, составляющие основу действия людей в социальном и историческом измерениях. Это не взаимоисключающие классы идеальных сущностей, однако их различие существенно. Попробуем его сформулировать. Для философии как дисциплины, претендующей на обретение достоверного знания, ценности могут быть тем, что открывается, тем, что изобретается, и, наконец, тем, что подвергается критике. Именно теоретическая философия, что нашло замечательное воплощение в ряде величественных философских систем Нового времени, задала парадигму обращения к ценностям. Но не она, несмотря на всю ее продуманность, определила правила игры.

Так, если вернуться еще дальше в историю мысли, то окажется, что, пользуясь современным историко-философским концептуальным аппаратом, дискурс о «ценностях» или сами «ценности» можно обнаружить уже в Античности, то есть на самой заре становления философии¹. Это важно по многим причинам, но совершенно не имеет значения для оправдания и уточнения того методологического аппарата, при помощи которого эти результаты были достигнуты. Наиболее утонченное и концептуализированное развитие сюжет получил на рубеже XIX–XX веков, в рамках неокантианской традиции. Ему мы обязаны и самим понятием, которое с тех пор прочно вошло в наш обыденный научный и культурный язык. Неокантианцы ставили перед собой задачу разработки независимой теории ценностей (что легко показать на примере выдающегося представителя баденской школы, с именем которого прежде всего и ассоциируется предметное поле ценностей, Генриха Риккерта). Им нужно было отстоять автономию философского размышления об идеальном перед перспективой нарастающей специализации научного знания. «Ценность» как идеальный объект здесь нуждалась в разграничении прежде всего с психологическими феноменами, которые после экспериментального подхода Вильгельма Вундта и его учеников уже были предметом не только философского знания. Согласно Риккерту, нам следует «особенно резко различать понятие ценности и понятие психического акта оценивающего субъекта» (Риккерт, 1998: 23), то есть аффективную оценку.

И здесь мы вплотную приближаемся к ключевой проблеме. Несмотря на всю влияние и продуманность той же неокантианской интерпретации ценностей, общего влияния неокантианства и ряда других фило-

софских школ на интеллектуальную традицию (Wildfeuer, 2011), первую роль в практическом вопросе о ценностях сыграли не они. Хотя важно, и об этом будет сказано далее, что эти теоретические осмысления оказались одновременны. Теоретическая философия ценности выпадала из своего времени: исторический и культурный процессы, приводимые в движение в том числе философскими идеями, которые легли в основу ключевых идеологий, требовали чего-то другого. Это важнее для нас сегодня не потому, что идеи теоретического плана оказались несостоятельны интеллектуально. Напротив, они оказались, возможно, слишком продуманными для той исторической реальности, которой предстояло развернуться на протяжении XX века² Речь идет о возможностях любого применения того богатства философской мысли о ценностях на практике. Историко-философский подход здесь должен претерпеть ключевую модификацию: нас интересует не новизна идей как таковая, но именно их воплощение в действительности.

На время отвлечемся от абстрактной теории и истории идей и обратимся к практике. Упомянутое развитие идей о ценностях и сама их концептуализация имели место в эпоху развитого модерна. Наиболее интенсивный всплеск дискуссии и вовсе происходил на рубеже XIX–XX веков. Это не случайно. Гигантские людские массы были приведены в движение процессами урбанизации, формированием действительно национальных государств мобилизационного типа, развитием капитализма и его экспансией во все сферы жизни всех обществ на планете. Попросту говоря, надежды на то, что вовлечение ранее существовавших в традиционной парадигме людей в новую жизнь сразу преобразит и их внутренний мир в соответствии с наиболее разработанными достижениями философской академической науки, были наивными. Впрочем, далеко не все этим надеждам придавались (Вебер, 2006: 274, 286). Это первое значимое обстоятельство, которое говорит в пользу того, что разговор о ценностях ретроспективно следовало бы начать с обращения к социальной действительности.

Вторым аргументом в пользу первичности социально-философской постановки вопроса о ценностях является дальнейший ход интеллектуальной истории в ее связи с историей событийной. На протяжении XX века мы наблюдаем процесс, в результате которого традиционные духовно-нравственные ценности претерпели сильные изменения. Возможно, история могла пойти по другому сценарию, но получилось то, что получилось. Традиция уступала место своему рефлексивному переопределению (Adams, 2003: 222, 224), превращаясь в нечто подвешенное в воздухе, постоянно ситуативно конфигурируемое. В итоге в этой теоретической динамике фактически не осталось места для существования традиционных духовно-нравственных ценностей как несомненных констант, требующих если и не уважения, то по крайней мере нейтрального отношения. Почему так произошло?

«Традиции и обычаи определяли жизнь большинства людей на протяжении большей части истории. Тем более удивительно, как мало интереса проявляют к ним ученые и мыслители. <...> Дурную репутацию понятие “традиция” приобрело в XVIII веке, в эпоху европейского Просвещения» (Гидденс, 2004: 55). Традиция не была плоха ничем – и это важно осознавать – кроме того, что она была традицией, то есть претендовала на про-

должительное воспроизводство конкретных смыслов, не предполагающее их обязательную критику. Из перспективы сегодняшнего дня часть этих ее недостатков и вовсе выглядит как достоинство: по меньшей мере, если что-то способно существовать продолжительное время, то это значит, что оно не уничтожается в результате заложенных в его основу внутренних противоречий. Сказать того же самого о многих феноменах современности нельзя. Так, понимание того, что такое экономический рост и какие препятствия стоят на его пути, сделало необходимым, если следовать этому императиву, интеллектуальное переопределение статуса ценностных оснований, на которых строилось традиционное общество. Этот процесс завершился успехом, и о некоторых его следствиях для сегодняшнего дня мы поговорим во втором разделе статьи.

Подведем промежуточные итоги. Существование духовно-нравственных ценностей, ценностей традиционных – это проблема для актуальной социальной мысли, проблема в границах социальной философии и проблема, в значительной степени возникшая не в результате внутренней несостоятельности «ценностей», но в силу социальной истории. В рамках ставшей де факто аксиомой детрадиционализации им просто не остается того места, которое бы не упраздняло их смысл: если традиция не выполняет свою функцию (трансляцию норм и ориентиров), может быть поставлена под вопрос, то это уже не традиция. Поскольку ценности и их статус проблематизированы в теоретическом ключе, они в то же самое время ставятся «под вопрос» и в социальной жизни. Культура в условиях необходимости своего конкурентного воспроизведения по определенным законам постоянно обновляется. Экономические принципы, давно освободившиеся от подавляющего большинства своих ценностных оснований, стали нормативными моделями для всех остальных сфер жизни. И именно это нанесло ключевой удар по ценностям в эпоху модерна. Простыми словами, масштаб и скорость социальных процессов, приведенных в движение Просвещением и капиталистической экономикой, развернувшейся в глобальном масштабе, имеют ключевое значение для существования ценностей: «Быть современным – значит пребывать в среде, которая обещает нам приключения, силу, радость, рост, преобразование нас и мира вокруг, но в то же время угрожает уничтожить все, чем мы обладаем, все, что мы знаем, все, чем мы являемся» (Берман, 2020: 18).

О том, где и какие ценности нужно искать

В предыдущем параграфе мы показали, что о ценностях можно и нужно говорить с опорой на социальную философию. Этот модус размышления ко всему прочему помещает нас на передний ее край, поскольку окидывает критическим взглядом историю мысли последних полутора веков. Каждый раз, обращаясь к этой теме, нужно понимать, что речь может идти о вопросе теоретическом, историко-философском, теоретико-практическом и, наконец, практическом. Ко всему прочему, именно социальная философия лучше всего выполняет искомое сопряжение теории и приложения мысли к жизни. В ходе ее развития – по мере, того как она получала

все большее влияние на актуальную социальную и культурную политику, – в некотором смысле и само политическое, в чьи обязанности входило сопрягать представления о социально-должном с практикой, пало жертвой «социализации» действительности. Перед тем, как перейти к конкретным примерам в рамках актуальной социальной теории, вспомним, что и без «ценностей» у теоретической мысли хватает потерь. В 1956 году Питер Ласлетт напишет: «Как бы то ни было, на настоящий момент политическая философия мертва» (Laslett, 1956: vii). В 1979 Маргарет Тэтчер с присущей ей эпатажностью подытожила то, что с трудом решались высказать самые эпатажные французские постструктуралисты: «Общества как такового не существует. Есть отдельные мужчины, отдельные женщины и есть семьи». И даже ключевые метанарративы – к примеру, марксизм (Готфрид, 2009) или либерализм (Simpson, 2019) – поставили под сомнение свое существование.

С многообразием традиционных ценностей произошло нечто подобное. Перейдя из состояния нерerefлексивной, в соответствии с актуальными научными стандартами, части культуры, они были поставлены под вопрос. Это не прошло бесследно для самой культуры:

Нигилизм, как я его понимаю, имеет два фундаментальных измерения. Прежде всего бросается в глаза его физическое измерение: призыв к уничтожению вещей и людей, порой очень полезное понятие при изучении войны. Второе измерение – концептуальное, но не менее существенное, особенно когда мы задумываемся о судьбе обществ, об обратимом или необратимом характере их упадка: в этом случае нигилизм означает непреодолимую тягу к уничтожению самого понятия истины, исключению любого разумного описания мира. В каком-то смысле это второе измерение согласуется с наиболее распространенным пониманием этого слова, определяющим нигилизм как аморализм, проистекающий из отсутствия ценностей (Тодд, 2024: 16).

Здесь уместно предложить одну гипотезу. Социальная философия занимается не (с)только фиксацией каких-либо объективных закономерностей и принципов социальной жизни как объективных и статичных сущностей. Она делает это из определенной перспективы и с определенной целью. Именно в этом состоит ее главное отличие от социологии, в том числе теоретической, и социальной мысли в более широком ключе:

...мы можем провести ключевое различие «теоретической социологии» и социальной философии. Последняя является аналогом и синонимом социальной теории в понимании Стивена Сейдмана, то есть предполагает ценностное измерение и возможность выносить оценочные суждения. Иными словами, социальная (а не социологическая) теория/философия валюативна. Это <...> ключевой признак социальной философии. Впрочем, отмечу, что при этом валюативность ни в коем случае не должна становиться морализаторством, поскольку социальная философия, в отличие, скажем, от публицистики, предполагает аргументированность выводов и тщательную работу с эмпирическим материалом (Павлов, 2018: 155–156).

Приведенное определение границ социальной философии важно по двум причинам. Во-первых, ценностное измерение присуще самому методу социальной теории в определенном ее понимании, то есть тогда, когда она не превращается в теоретическую социологию. Во-вторых, из этого следует, что в тех влиятельных социальных теориях, которые определяют ландшафт современности, тоже могут присутствовать ценности как основа методологии – и они не всегда будут в достаточно ясной форме эксплици-

рованы. Вообще, главной ценностью мира академического станет сама способность теоретического размышления влиять на общество или служить основой для проведения эмпирических исследований: «В дополнение к ее эвристической функции в эмпирических исследованиях, социальная теория имеет и свою автономную значимость, а именно – социальную онтологию» (Reckwitz, 2023: 15).

Но не только это. С ценностью философии как основы теоретического размышления, то есть с «корешками», все более-менее ясно: в общем, без нее в новом мире не обойтись, а нужна она даже более, чем раньше, просто в силу усложнения реальности (Гусейнов, 2024: 17). Но что с «вершками»? Кажущийся беспорядок ценностей, утративших свою былую силу, можно систематизировать. Для этого выделим несколько ключевых социальных последствий глобальных трансформаций, которые происходили в мире на протяжении последних 75 лет. Временной промежуток выбран неслучайно. Вновь в рамках этого рассмотрения мы вынуждены искать нечто прочное в быстро меняющемся мире и переплетениях дискурсов. Только это позволяет социально-философской мысли сцепляться – а значит, и оказывать воздействие, – с реальностью. Актуальная нам современность больше всего остального была определена процессами глобализации, ее завершением (McGrew, 2007), тем, что следует после, и соответствующей экспансией капитализма во все сферы жизни подавляющего большинства обществ на земле.

Это была гомогенизация (Ритц, 2024: 72), о последствиях которой не было времени думать, как и о том, что она вообще имеет шансы на столь оглушительный успех. Путь глобализации был отнюдь не прост, а ее успех предопределился не только неоспоримыми культурными и экономическими преимуществами, но и вполне конкретной политической гегемонией одной из сверхдержав (Friedman, 2005: 469) после падения социалистического лагеря и так и не обретенной Европой субъектности (Геро, Ритц, 2024: 33–34). В целом, актуальная картина не отвечает гуманистическим интересам большинства акторов и даже ставит под вопрос сами перспективы современности при продолжении подобных тенденций: «Не вполне благополучна и колыбель современности Европа, и ее нынешний эпицентр в Америке. Однако начавшееся “плавание” нельзя отменить, хотя оно и не было предметом явного согласия всех его участников» (Чалый, 2024: 79). Интересы США никогда не были общезначимыми и альтруистичными в том плане, что политические действия США должны были быть направлены на установление общезначимого порядка «справедливости». К примеру, ревитализация политической философии через принцип «максимина» в соответствии с идеями теории справедливости Джона Ролза (Douglas, 2012: 86–88) осталась частью внутренней теории, но испытывает трудности с масштабированием/экспортом в глобальном масштабе. Говоря проще, лучшие идеи – только для внутреннего пользования. На деле интересы США всегда оставались прежде всего интересами национального государства, пусть и мыслящего себя в качестве особой силы на земном шаре: «Подробно рассматривая вопрос об американском уровне жизни и риске,

которому он подвергнется в случае системного коллапса, я отказываюсь от исключительной гипотезы о разумной рациональности» (Тодд, 2024: 16).

Руководящим принципом, возведенным в ранг ценности, стало «первостепенное преследование собственных интересов». Для этой «традиционной» лишь для вполне конкретного политического образования ценности следовало создать пространство реализации путем устранения конкурентов. Культурная глобализация, разгладившая мир и почти сделавшая его плоским (Moraru, 2023: ix), справилась с этой задачей. Контекстуальное обращение к вопросу о ценностях в важных для самосознания эпохи работах покажет, что ценностей много. Они находятся в открытом и скрытом иерархическом отношении или даже просто подчиняются главенствующей на данный момент ценности, которая превращается в идеологему. Так, одной из ключевых ценностей на протяжении последних десятилетий XX века была «свобода». Хорошее обобщение мы находим у историка Халила Берктая, согласно мысли которого, «начиная с XV в., в Европе укрепляется иной менталитет, который он называет релятивистским, и в то же время такие ценности, как индивидуализм, свобода, автономия, любопытство, выходят за рамки личных отношений и начинают влиять на нормы отношений общественных, то есть институционализироваться» (Космарский, 2023: 173).

За последние несколько десятилетий «главные» ценности сменяли друг друга почти столь же стремительно, как и повестка СМИ. Достаточно вспомнить такие «ценности», как коралловые рифы, тропические леса, сексуальные свободы, права меньшинств и сами меньшинства, доступ к коммуникации, право на прогулки во времена COVID-19 и проч. Часто эти ценности, выдаваемые за духовные, на деле оказываются преимущественно материальными и материально же легитимируемыми: «Конфликты вокруг “рисков цивилизации” возникают по поводу того, сколь обосновано промышленно развитые страны могут требовать от развивающихся государств сохранения таких важных общемировых ценностей, как, например, тропические леса, одновременно претендуя на львиную долю энергетических ресурсов» (Бек, 2008: 33). Суть в том, что каждая из этих ситуативных и новых ценностей на деле имела запрограммированное время устаревания, выполняя одну задачу. Калейдоскопическая смена ценностей должна утверждать иерархический примат свободы, расчищать дорогу новому и обеспечивать бенефициаров глобализации.

Это – тот методологический компас, который мы должны использовать не только при работе с традиционными ценностями, но и в поисках того пространства, которое для них существует в современном мире. Данное состояние двояко. С одной стороны, все ценности оказываются подчинены одной единственной, «свободе», понятой в ключе процессуального и потенциально безграничного индивидуализма, то есть постоянного снятия ограничений во всех сферах, расширения границ возможного. С другой, все это уже ни для кого не секрет, то есть ситуация *меняется*. Поздняя глобализация показала, что выигрывают от нее не все; ускоренная деглобализация не реализовала свою задачу по расчистке пространства для экономической активности, которая вылилась бы в качественное по-

вышение уровня жизни; обратной стороной «разглаживания» мира стали до того не существовавшие аберрации и противоречия (фундаментализм, экстремизм, социальные дисфункции и др.); наконец, предлагаемые модели по каким-то более сложным причинам столкнулись с трудностями масштабирования, а многие люди просто не захотели следовать чужим нарративам. Попросту говоря, мы оказались в ситуации, которая когда-то привела к кризису традиционных ценностей, только теперь в кризисе такая «традиционная» ценность, как отсутствие права на существование традиционных духовно-нравственных ценностей. А значит, современная задача – не только в том, чтобы критиковать одни ценности, но и в том, чтобы защищать другие.

Почему традиционные ценности не только современные, но и своевременны?

Сказанное выше обрисовывает общую картину положения ценностей в структуре социально-философского знания на протяжении последних нескольких десятков лет. Как мы видим, ценности как абсолютно значимые идеальные сущности меняют способы своего существования и теоретической экспликации, но сохраняются в структуре глобализационной гомогенизации. Нужно заметить, что наше рассуждение о традиционных ценностях целенаправленно отталкивается от общей концептуальной рамки современной социальной теории. Это – деконструктивистский подход, который приводит к необходимости постановки нового вопроса о ценностях. То есть мы фиксируем, что конкретно-исторические, в том числе национальные, и традиционные ценности были оттеснены на второй план в рамках современной социальной теории, выступающей отражением исторической динамики. Они перестают быть ключевой темой размышления о будущем, куда была устремлена мировая цивилизация, одержимая идеями конца истории и завершающейся глобализации.

Однако даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы увидеть: традиционные ценности не исчезли и не могли исчезнуть – просто некоторые современные ценности или современные интерпретации классических традиционных ценностей (к примеру, «свобода») в иерархическом отношении заняли более высокое положение. Можно высказать осторожную гипотезу: иначе и быть не могло, поскольку ценности конкретно-историчны и должны соответствовать духу времени. Эпохе глобализации и доминирования американского проекта мироустройства соответствовали вполне определенные ценности и их интерпретации. Соответственно, в тот момент, когда мироустройство выходит из равновесия, возникает задача обратиться к традиционным ценностям вновь, найти такие из них, которые соответствовали бы новой эпохе.

Новая постановка вопросов о ценностях неизбежна в силу самих процессов, управляющих движением современности, о которых демократическая и (нео-)либеральная теории предпочитали не вспоминать: «Первая и самая важная из либеральных теорий – это *теория демократического мира*, та теория, которая утверждает, что демократии не воюют с демократиями.

<...> Реалист вроде меня сказал бы, что не имеет значения, является ли государство демократическим или нет, что все государства ведут себя одинаково, потому что структура системы <...> не оставляет этим государствам выбора» (Миршаймер, 2024: 27). Пример со свободой как главной – или, лучше сказать, доминирующей – ценностью второй половины XX века должен научить нас нескольким вещам. Во-первых, социальная природа современности диктует соотнесение ценностей с тем социально-экономическим контекстом, в котором они существуют. Ценности в том виде, в каком к ним апеллирует социальная теория, не субстанциальны, а имеют социально-культурную природу, являются ответом на те вызовы, которые ставит перед обществом время.

Во-вторых, конкретные наполнение и реализация ценностей подвижны во времени. Свобода – это несомненная и в том числе традиционная ценность, но она может получать разное наполнение, зависящее от интерпретации. Так, «свобода от» чего-либо стала основой постмодернистской современности, а на ее излете превратилась в нечто вообще противоположное своему истоку, поскольку «свобода, ориентированная сугубо на индивида, легко переходит в экзистенциальную пустоту и релятивизм. Это – свобода красить себе волосы в другой цвет, идти на разного рода провокации или нарушать общественные табу, свобода подвергать сомнению или извращать общепринятые традиции. Это свобода *от* чего-то, но не *ради* чего-то» (Ритц, 2023: 233). Ценности (и здесь нас не должны вводить в заблуждение языковые ассоциации) конкретно-историчны.

Точкой отсчета может выступать не релятивизм как таковой и даже не традиция, попытку освобождения которой от «осовременивания» посредством рефлексивизации можно было бы предпринять. В вопросе социальной философии о ценностях задача состоит в том, чтобы пройти между Сциллой наивного традиционализма и Харибдой идеальной индивидуалистической эмансипации, то есть «завершения» разрушения, чей неполный характер порождает все проблемы: «Выбрав кантианскую программу за точку отсчета, мы увидим критиков в их устремлении с разной степенью решительности либо назад, к досовременному миру традиций, внерациональной веры, чудес и тайн, авторитетов и иерархий, “пастырей” и их “домашнего скота”, либо вперед, к идеальному, полному эмансипации и деконструкции всех ограничивающих человека структур» (Чалый, 2024: 81).

Суть в том, что ход социальной истории – как бы мы ни определяли ее движущие причины – должен быть материально обусловлен и идейно-когерентен. Это проще понять на примерах, воспользовавшись принципом *reductio ad absurdum*. Так, во времена Великой отечественной войны трудно было бы представить себе нормальное отношение к советскому гражданину, который показательно следовал бы последнему пisku немецкой моды, находясь в Москве. И если еще несколько десятилетий назад было сложно представить себе крупный военный конфликт в Европе – здесь показательно слепота интеллектуального мейнстрима к агрессии НАТО против Югославии в 1999 году, – то сегодня трудно представить, что эмансипаторный гомогенизирующий дискурс глобализации останется с нами навсегда.

Все это значит ровно одно: вопрос о традиционных ценностях сегодня как никогда своевременен. Он должен быть поставлен с опорой на социальную философию, поскольку именно социальная теория, особым образом интерпретировавшая – а значит, и задававшая/поддерживавшая их вектор – социально-экономические трансформации, подорвала ценность традиции. На актуальном этапе общемировой истории, имеющей несколько событийных центров, наиболее важными из которых являются геополитические конфликты в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, потребность в противостоянии разрушающей современности получает один из вариантов своего разрешения в апелляции к традиционным духовно-нравственным ценностям. Именно в этом контексте следует воспринимать дискуссию, формально открытую в русскоязычном пространстве Указом № 809 Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а на самом деле давно существовавшую. На Дальнем Востоке, в Китае, противостояние деструктивному нарративу осуществилось через казавшееся абсурдным и невозможным обновление марксистско-ленинской философии в соответствии с доктриной Си Цзиньпина, ставшей в русскоязычном контексте синонимом догматизма: «Уроки Маркса, как заявляет Си, состоят в том, что марксизм меняется со временем, что он должен быть интегрирован в локальную культуру, чтобы быть эффективным» (Cheek, Ownby, 2018).

Даже марксизм-ленинизм, простое упоминание которого многие в России сегодня воспринимают с улыбкой, может стать традиционной ценностью, поскольку конкретно-исторические обстоятельства того от него требуют. История ставит перед своими субъектами, которыми остаются национальные государства, вызовы, вариантов ответа на которые не так и много: для продолжения самостоятельной политики требуется опора на собственные традиции и культуру. Ключевым вопросом для прагматики социальной философии станет то, что можно сформулировать в виде парадокса, но что парадоксом не является: традиционные ценности могут не быть традиционными по форме, своему генезису и функционированию, но при этом оставаться по-настоящему традиционными. Вспомним, что современность даже в теории постмодернизма всегда понималась как нечто, способное одновременно вместить в себя несколько параллельных движений на разных основаниях. Неизбежность современности как модернизации стала проблемой сразу после событий Второй мировой войны, когда локомотив «современности», Просвещение, получил вполне справедливую критическую оценку.

Старый мир может существовать одновременно с новым, и это сопричастие в одном историческом времени, становясь предметом философского размышления, делает старое новым, не делая новое старым. А противостоять обаянию нового – что может быть бесперспективнее (Липовецки, 2012: 32)?

Что все это значит на практике

Предпринятое обращение к теме имело перед собой цель показать, что вопрос о ценностях – или, конкретнее, о традиционных духовно-нравственных ценностях – должен быть поставлен именно в контексте современной социальной философии. Наше глубокое убеждение состоит в том, что природа актуального и работоспособного дискурса о современности предполагает рациональную аргументацию, осознание историчности происходящего – но в то же время и способность к социальному воображению. Это тот случай, когда следует обратить особое внимание на знаменитое выражение античных времен, которое оказывается как никогда своевременно: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Непонимание этого обстоятельства влечет за собой ошибки, цена которых слишком высока. Традиционные духовно-нравственные ценности, по определению, самоценны и в этом не уступают тому новому, что выдает себя за ценность. Следует также избегать крайностей: бездумно и слепо воспроизводить старые практики – бессмысленно. А новым ценностям следует для начала себя зарекомендовать. Простодушно следовать им – наивно. Если по каким-либо причинам происходит эрозия или отступление традиционных ценностей, то для общего блага требуется встать на их защиту: «...вопрос об идентичности в моральной философии – это вопрос о том, что значит быть моральным субъектом в отношении к самому себе, другим и *миру ценностей* (курсив мой – Н. А.), которые, собственно, и *задают пространство морали* (курсив мой – Н. А.)» (Артемьева, 2024: 23).

В актуальном для нашего времени виде, то есть как идеальная сущность, существующая *и* в реальности, *и* в качестве предмета теоретического размышления, ценности были порождением эпохи модерна, а вопрос о них получил наибольшее внимание в те годы, когда современность набирала обороты в мегаполисах, на исполинских заводах, в трюмах сошедших со стапелей пароходов, курсирующих по трансокеанским маршрутам и, конечно же, на страницах газет, радиоволнах, а после – экранх телевизоров и гаджетов. Интенсификация дискуссии о ценностях вызвана тем, что они находятся под угрозой. Исторические события и научный прогресс преобразовали мир таким образом, что наша мысль не всегда за этим поспевает – не говоря уже о жизненных практиках.

Теоретическая философия нашла время и силы, чтобы осуществить критику ценностей, пусть и не всегда того желая. Но только сегодня она получает импульс, чтобы изменить задачу: вернуться к вопросу о традиционных духовно-нравственных ценностях в условиях, когда дискурсы глобализации и повсеместного формального освобождения оказались несостоятельными. Современное общество, синонимом которого является эпоха капитализма, с нами надолго. Поэтому нас не должно смущать замечание Александра Зиновьева о том, как функционируют ценности в капиталистическом обществе:

...к какой сфере отнести производство духовных ценностей? Оно одновременно относится и к сфере экономики, и к сфере культуры, и к сфере идеологии. И опять-таки тут имеет место не просто вмешательство экономики в культуру. Сама культура есть со-

ставная часть экономики. Аналогично идеология есть часть культуры, культура – сфера и средство идеологии (Зиновьев, 2007: 15).

Советский философ с присущей ему прямоотой говорит об очевидном: в массовом капиталистическом обществе ценности существуют в соответствии с законами функционирования именно этого общества. В XXI веке представлять себе ценности, в том числе традиционные духовно-нравственные, вне этого контекста бессмысленно. Экономист и социальный теоретик Мариана Маццукато, рассматривая вопрос в границах своей дисциплины, пишет: «Под “созданием ценности” я понимаю способы, с помощью которых различные типы ресурсов (человеческие, материальные и неосязаемые) возникают и взаимодействуют с целью производства новых товаров и услуг» (Маццукато, 2020: 44). Традиционные ценности, которые почти были утрачены, требуется произвести посредством приложения труда.

В наши задачи также входило показать, что по меньшей мере в контексте современной социальной мысли вопрос о ценностях является вопросом *философским*. Философия может быть как вольным или невольным врагом ценностей, так и их защитником. И выбор позиции здесь не только ценностно-рационален, но часто просто рационален:

Целерациональное действие исходит из определенных ценностных установок, артикулирует цели, организует средства и предвидит последствия деятельности, при необходимости вводя коррекции. Ценностное отношение к миру содержит в себе первые три компонента, но не ставит перед собой задач предвидения последствий – подчас не случайно, когда последствия не имеют значения (Воронин, 2023: 96).

Указание на то, что современность и ее отражение в социальной теории никогда не отказывались от обсуждения вопроса о ценностях, как раз выступает той частью деконструктивистской практики, которая расширяет пространство для реализации позитивного проекта по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей в практическом и прикладном ключе.

Говоря проще, традиционные духовно-нравственные ценности современны и своевременны. Причиной их актуальности становятся критика в их адрес на протяжении последних нескольких десятилетий и сама конкретно-историческая ситуация, которая определенным образом ставит под сомнение ту иерархию ценностей, которая была предложена как универсальная после падения Берлинской стены. Э. Гидденс, говоря о традиции, пишет: «Мнение о том, что традиции не подвластны переменам – просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново» (Гидденс, 2004: 57). То, как социальный теоретик говорит о традиции, заслуживает особого внимания. Его рассуждение не содержит того отношения к традиции свысока, которое нивелировало бы ее ценность. Критический философский подход к традиции лишь добавляет нечто к пониманию того, как она функционирует, но не упраздняет ее. Зафиксируем еще одно соображение: не всякая теория применима на практике без адаптации.

К слову, экономический язык может навести на одну кажущуюся привлекательной метафору: стоило бы сравнивать переоткрытие традиционных духовно-нравственных ценностей с добычей полезных ископаемых. Сомнительно, что кто-то решится утверждать, что эта хозяйственная активность производит пустоту или нечто бессмысленное. Сам процесс весьма высокотехнологичный и наукоемкий. Так и с традиционными ценностями: они стары как мир, но чтобы извлечь их и применить на практике, нужно прибегнуть ко всему арсеналу самой передовой теории. Мы предлагаем взглянуть на традиционные ценности сходным образом. Традиционные духовно-нравственные ценности – современные, потому что именно современность породила и оформила их в знакомом нам виде. Они своевременны, потому что событийная история требует усилий, чтобы справиться с ситуацией. Наконец, их укорененная в национальной истории традиционность сегодня – большое достоинство, а не недостаток.

Таким образом, дальнейшая философская работа предполагает не только критику, но и поиск того содержания, которое сможет поддерживать принципы, которые мы хотели бы видеть в качестве основы общества. Социальная философия, выполнив предварительные работы по очистке строительной площадки, ставит скептическую позицию под сомнение. Задав некоторые целевые ориентиры, она с радостью воспользуется результатами труда современной аксиологии, философии культуры, этики и эстетики, а также обратится к осмыслению конкретных прикладных мер в рамках реализации государственной культурной политики. «Старый мир придумывает себя заново» (Бек, 2008: 252).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К слову, преемственность традиционных ценностей от Античности до настоящего времени в Греции выступает основой для исследования культуры этой страны (Walcot, 1996: 169–171, 176). На наш взгляд, это следует принимать во внимание при встрече с критикой подобных стратегий, упрекаемых в эссенциализме.

² Нечто подобное произошло и с философией религии, когда развитие и интеллектуализация совершенно традиционных по духу аргументов и принципов оказались несоответствующими способности массовизированного общества им следовать.

ЛИТЕРАТУРА

Артемяева О. В. (2024). Проблема моральной идентичности // Человек. 2024. Т. 35. № 2. С. 7–26.

Бек У. (2008). Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества.

Берман М. (2020). Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь.

Вебер М. (2006). «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН. С. 271–320.

Воронин А. А. (2023). Коммуникативная природа спорта // Человек. 2024. Т. 34. № 6. С. 84–99.

Геро У., Ритц Х. (2024). Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать. М.: Гнозис.

Гидденс Э. (2004). Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: «Весь Мир».

Готфрид П. (2009). Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль.

Гусейнов А. А. (2024). Практическая философия: традиция и современные тенденции // *Гусейнов А. А. (ред.)* Практическая и прикладная философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 11–37.

Зиновьев А. А. (2007). Запад. М.: Алгоритм, Эксмо.

Космарский А. (2023). Турция // *Куренной В. А. (ред.)* Ведущие мировые интеллектуалы о будущем. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 169–182.

Куренной В. А. (ред.) (2023). Ведущие мировые интеллектуалы о будущем. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Латур Б. (2023). Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность // *Логос*. Т. 33. № 5. С. 29–64.

Липовецки Ж. (2012). Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение.

Маццукато М. (2020). Всеобщая ценность. Создание и изъятие в глобальной экономике // *Экономическая социология*. Т. 21. № 5. С. 39–57.

Мишаймер Д. (2024). «Американцы – вот реальная проблема». Беседа с Лексом Фридманом // *Логос*. Т. 34. № 2. С. 21–60.

Павлов А. В. (2018). Параллаксы «лисы»: к определению предмета и границ социальной философии // *Социологическое обозрение*. Т. 17. № 3. С. 149–172.

Политов А. В. (2016). Феномен следа в философии Жака Деррида и его онтологическое истолкование // *Вестник Пермского национального исследовательского университета политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*. 2016. № 4. С. 93–102.

Риккерт Г. (1998). О понятии философии // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. С. 15–42.

Ритц Х. (2023). Борьба за Европу: есть ли будущее у европейской культуры? М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Ритц Х. (2024). «Европейская комиссия сейчас подобна ЦК КПСС». Беседа с Хауке Ритцем // *Логос*. Т. 34. № 2. С. 61–80.

Тодд Э. (2024). Десять сюрпризов войны // *Логос*. Т. 34. № 2. С. 1–20.

Феррандо Ф. (2022). Философский постгуманизм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Фишман Л. Г., Мартьянов В. С. (2022). Если не урок, то проект // *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 4. С. 66–85.

Хабермас Ю. (2022). Теория коммуникативного действия. М.: Весь Мир.

Чалый В. А. (2024). Кант и «морская болезнь» современности // *Кантовский сборник*. Т. 43. № 1. С. 76–102.

Adams M. (2003) The Reflexive Self and Culture: A Critique // *British Journal of Sociology*. Vol. 54. No. 2. P. 221–238.

Cheek T., Ownby D. (2018). Make China Marxist Again // *Dissent*. Fall 2018. URL: <https://www.dissentmagazine.org/article/making-china-marxist-again-xi-jinping-thought/> (дата обращения: 12.07.2024).

Douglas R. B. (2012). John Rawls and the Revival of Political Philosophy: Where Does He Leave Us? // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. Vol. 59. No. 133. P. 81–97.

Friedman T. (2005). *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Laslett P. (1956). Introduction // *Laslett P. (ed.) Philosophy, Politics and Society: First Series*. Cambridge: Cambridge University Press. P. i–xv.

McGrew A. (2007). Globalization in Hard Times: Contention in the Academy and Beyond // *Ritzer G. (ed.) The Blackwell Companion to Globalization*. Malden (MA): Blackwell Publ. P. 29–53.

Moraru Ch. (2023). *Flat Aesthetics. Twenty-First-Century American Fiction and the Making of the Contemporary*. New York – London – Oxford – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Reckwitz A. (2023). The Theory of Society as a Tool // *Reckwitz A., Rosa H.* Late Modernity in Crisis. Why We Need a Theory of Society. Cambridge, Hoboken: Polity Press. P. 9–94.

Walcot P. (1996). Continuity and Tradition: The Persistence of Greek Values // *Greece & Rome*. Vol. 43. No. 2. P. 169–177.

Wildfeuer A. G. (2011). “Wert” // *Wildfeuer A. G., Kolmer P. (eds.) Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe*. Bd. 3. Freiburg: Verlag Karl Alber.

On Modernism and Contemporaneity of Traditional Values

Nikolai Afanasov

PhD. (Philos.).

Researcher at the Social Philosophy Department.

Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy (Moscow).

12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Abstract. The article addresses the current discussion about values in general sense and about traditional spiritual and moral values in particular from the standpoint of modern social philosophy. The purpose of the study is to show the modernity, contemporaneity and consistency of traditional values in a specific historical situation. To do this, the author identifies the most significant aspects in the reflection on the concept, focusing on the social thought of the last few decades. The result of this is the explication of a specific understanding of values as autonomy only partially dependent on the context. The socio-philosophical discourse on values intersects with those more familiar to philosophy regarding the topic, i.e. axiological, political, ethical or aesthetic, but does not completely coincide with them. Its actualization was caused by the historical events, but it always had its groundings in theoretical contradictions that philosophy has faced. The article provides an outline of the position of values in socio-humanitarian thought, deconstructs some of the foundations of the hierarchy of values proposed by default within globalized thought. The author also demonstrates that posing the question about values in a national context does not contradict the theoretical foundations and the very tasks of philosophy. On the contrary, the need for philosophy, including social philosophy, to pose and answer the question about values is only increasing. On the base of a priori self-worth of traditional spiritual and moral values, the author concludes that one of the most important tasks of social philosophy is to actualize their content and ways of practical integration into modern life in accordance with the spirit and needs of the time.

Keywords: social philosophy, practical philosophy, Modernity, tradition, values, traditional values, spiritual and moral values, cultural policy

For citation: Afanasov N. B. (2024). On Modernism and Contemporaneity of Traditional Values // *Patria*. Vol. 1. No. 1. P. 30–49.

REFERENCES

- Adams M. (2003) The Reflexive Self and Culture: A Critique // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 2, pp. 221–238.
- Artemyeva O. V. (2024). Problema moral'noj identichnosti [The Problem of Moral Identity]. *Chelovek* [The Human Being], vol. 35, no. 2, pp. 7–26.
- Beck U. (2008). *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Vision], Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva.
- Chaly V. A. (2024). Kant i “morskaya bolezнь” sovremennosti [Kant and “Seasickness” of Modernity]. *Kantian Journal*, vol. 43, no. 1, pp. 76–102.
- Cheek T., Ownby D. (2018). Make China Marxist Again. *Dissent*, Fall 2018. Available at: <https://www.dissentmagazine.org/article/making-china-marxist-again-xi-jinping-thought/> (accessed 12 July 2024).
- Douglas R. B. (2012). John Rawls and the Revival of Political Philosophy: Where Does He Leave Us? *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, vol. 59, no. 133, pp. 81–97.

Ferrando F. (2022). *Filosofskij postgumanizm* [Philosophical Posthumanism], Moscow: HSE University Press.

Fishman L. G., Martyanov V. S. (2022). Esli ne urok, to proekt [If not a Lesson, than a Project]. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 4, pp. 66–85.

Friedman T. (2005). *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*, New York: Farrar, Straus and Giroux.

Guerot U., Ritz H. (2024). *Endshpil' Evropa: Pochemu poterpel neudachu politicheskij proekt Evropa b kak snova nachat' o nyom mechtat'* [Endspiel Europa. Warum das politische Projekt Europa gescheitert ist – und wie Wir wieder davon Träumen können], Moscow: Gnosis.

Giddens A. (2004). *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World. How Globalisation is Reshaping Our Lives], Moscow: Ves' Mir.

Gottfried P. (2009). *Strannaya smert' marksizma* [The Strange Death of Marxism. The European Left in the New Millenium], Moscow: IRISEN, Mysl'.

Berman M. (2020). *Vsyo tverdoe rastvoryaetsya v vozdukh. Opyt modernosti* [All That Is Solid Melts Into Air: The Experience of Modernity], Moscow: Horizontal'.

Guseynov A. A. (2024). Prakticheskaya filosofiya: traditsiya i sovremennye tendentsii [Practical Philosophy: Tradition and Modern Tendencies]. *Prakticheskaya i prikladnaya filosofiya* [Practical and Applied Philosophy] (ed. by A. A. Guseynov), Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 11–37.

Habermas J. (2022). *Teoriya kommunikativnogo dejstviya* [Theory of Communicative Action], Moscow: Ves' Mir.

Kosmarsky A. (2023). Turtsiya [Turkey]. *Vedushchie mirovye intellektyalu o budushchem* [Leading World Intellectuals about the Future] (ed. by V. A. Kurennoj), Moscow: National Research University Higher School of Economics, pp. 169–182.

Kurennoj V. A. (2023). *Vedushchie mirovye intellektyalu o budushchem* [Leading World Intellectuals about the Future], Moscow: National Research University Higher School of Economics.

Laslett P. (1956). Introduction. *Philosophy, Politics and Society: First Series* (ed. by P. Laslett), Cambridge: Cambridge University Press, pp. i–xv.

Latour B. (2023). Why Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Logos*, vol. 33, no. 5, pp. 29–64.

Lipovetsky G. (2024). *Imperiya efemernogo. Moda i ee sud'ba b sovremennom obshchestve* [L'empire de l'éphémère: la mode et son destin dans les sociétés modernes], Moscow: New Literary Observer.

Mazzucato M. (2020). Vseobshchaya tsennost'. Sozdanie i izyatie v global'noy ekonomike [The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology* [Ekonomicheskaya sotsiologiya], vol. 21, no. 5, pp. 39–57.

McGrew A. (2007). Globalization in Hard Times: Contention in the Academy and Beyond. *The Blackwell Companion to Globalization* (ed. by G. Ritzer), Malden (MA): Blackwell Publ., pp. 29–53.

Mearsheimer J. (2024). "Amerikantsy – vot real'naya problema". Beseda s Leksom Fridmanom ["The Americans are a Real Problem". A Conversation with Lex Fridman]. *Logos*, vol. 34, no. 2, pp. 21–60.

Moraru Ch. (2023). *Flat Aesthetics. Twenty-First-Century American Fiction and the Making of the Contemporary*, New York – London – Oxford – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Pavlov A. V. (2018). The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no. 3, pp. 149–172.

Politov A. V. (2016). The Phenomenon of the Trace in the Philosophy of Jacques Derrida and Its Ontological Interpretation. *Bulletin of the Perm National Research University. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 4, pp. 93–102.

Reckwitz A. (2023). The Theory of Society as a Tool // Reckwitz A., Rosa H. *Late Modernity in Crisis. Why We Need a Theory of Society*, Cambridge, Hoboken: Polity Press, pp. 9–94.

Rickert H. (1998). On the Concept of Philosophy // Rickert H. *Natural Sciences and Cultural Sciences*, Moscow: Respublica, pp. 15–42.

Ritz H. (2023). *Bor'ba za Evropu: est' li budushchee u evropejskoj kul'tury?* [The Struggle for Europe: Does European Culture have a Future?], Moscow: KANON+ "Reabilitatsiya".

Ritz H. (2024). «Evropejskaya komissiya seychas podobna TsK KPSS» [The European Commission is Now Like the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. *Logos*, vol. 34, no. 2, pp. 61–80.

Todd E. (2024). Desyat' syurprizov vojny [10 Surprises of the War]. *Logos*, vol. 34, no. 2, pp. 1–20.

Voronin A. A. (2023). Kommunikativnaya priroda sporta [The Communicative Nature of Sports]. *Chelovek* [The Human Being], vol. 34, no. 6, pp. 84–99.

Walcot P. (1996). Continuity and Tradition: The Persistence of Greek Values. *Greece & Rome*, vol. 43, no. 2, pp. 169–177.

Weber M. (2006). "Ob'yektivnost'" sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya [The Objectivity of the Sociological and Socio-Political Knowledge]. Weber M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected Writings: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Moscow: ROSSPEN, pp. 271–320.

Wildfeuer A. G. (2011). "Wert". *Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe. Bd. 3* (ed. by P. Kolmer, A. G. Wildfeuer), Freiburg: Verlag Karl Alber.

Zinoviev A. A. (2007). *Zapad* [The West], Moscow: Algoritm, Eksmo.